

Василий Тюренок

Стихи III

Вспоминая свои палестины

Вспоминая свои палестины,
Не грущу по родимым осинам,
По полям, золотящимся житом –
Я тоскую по жизни прожитой:
По холодным январским парадным –
Полусонным, обшарпанным, смрадным,
По бетонному дну котлована,
По отцовскому соло из ванной.

Я тоскую по лыжным ботинкам,
По цветным новогодним картинкам,
По настенной циновке с оленем,
По зелёнке на сбитых коленях.
По волнующим банкам с вареньем,
По чугунному мировоззренью,
По заброшенным пляжам залива –
Там я был молодым и счастливым.

Может, эту тоску я придумал –
Несусветную суетность ГУМа,
Святость розовых плит Мавзолея...
Может, чем-то я странным болею?
Или просто качнулась планета –
Возвратила далёкое лето
Под шуршащими кронами сосен,
Где нелепо и думать про осень.

Зацветает алыча

Зацветает алыча
По садам Гардеза...
Кто ты раньше был? – бача –
Молодой да резвый.
Плыли рыбиной тупой
Хищные туманы,
Наседали злой толпой
Подлые душманы.

Спас построен на крови,
Город – на скелетах.
Рвут тельняшки шурави,
Пылью душит лето.
Хрип парадной, этажи,
Пьяные разборки...
Что мы делали, скажи,
На афганских горках?

03.17

Фиолетовая мгла

Скажи мне, фиолетовая мгла,
Не до скончания ль века ты легла,
Раскинувшись дрожащей паутиной?
Ночных сомнений хищная игла
Нацелилась из чёрного угла
В трепещущую мышцу под грудиной.

Неоном дышит сонный гастроном...
Окном зажжённым – тлеющим руном –
“Ты не один,” – сигналит дом напротив.
Шуршат часы, кончается вино...
Томится нерешённостью бином
Сложения взаимно чуждых родин.

Луна ползёт невидимой тропой,
Покладистой смилившейся работой
Затягивает в небе млечный пояс.
Клубятся мысли суетной толпой...
Летит цепочкой жёлто-голубой
Последний поезд.

03.17

Мы с городом теряем прежний вид

Мы с городом теряем прежний вид
Приметами оконченного лета:
Он чем-то увядающим увит,
Я в пафосном пальтишке и штиблетах.
Висит на стенке тусклый календарь
Забывтой шубой с вытершимся мехом...
По телу водосточному ударь
И слушай затихающее эхо.

Немая обеззвученная рань,
Окрашенная розово-рассветно,
Речной туман взрезающая грань
И небо, неприкаянно бесцветно,
И женщина с доверчивым лицом,
И яблоня на даче, и левкои
Ещё волнуют кровь под пальтецом,
Но всё уже потерянно другое.

03.16

Ниагара

Неизбежной Божьей карой,
Мощью дремлющей акулы
Вырастает Ниагара –
Пылью, радугами, гулом.
Холодит, мурашит кожу;
Тёплой чачей без закуски
Крошит каменное ложе
И кипит в каньоне узком.

Цвет – зелёный, запах – мятный –
Рвёт пространство Ниагара.
Пляшут солнечные пятна –
Блики боя стеклотары.
Становясь к полудню крепче,
Влагу в лица гонит ветер...
И неслышно губы шепчут:
Страшно жить на этом свете.

03.17

Мы сидели

Мы сидели, мечтая, на тёплом песочке – вдвоём...
Отражая закатное солнце, молчал водоём.
Электрички вдали шелестели, дремала вода...
Ты сказала: "Давай будем вместе – сейчас и всегда."
Тайной магии было исполнено слово "всегда",
Словно шорохи павшей листвы в утомлённых садах,
Словно кто-то спешил сквозь тоску новостроек домой,
Словно хриплое эхо в замёрзшей парадной: "Ты мой."

Мы сидели на тёплом песочке, молчал водоём...
След черничного сока темнел на запястье твоём.
Пахло хвоей, смолистостью, вечером, прелью лесной,
Ноздреватые шишки валялись под сонной сосной.
Озабоченно тычась, куда-то спешил муравей,
Надрывался кузнечик в дремотной июльской траве...
Мы сидели и думали: есть только "здесь" и "сейчас",
И не знали, таким ли останется мир через час.

03.17

Мы

Стекая на землю упругим дождём,
Мы вдаль маршируем за мудрым вождём,
Спешим к горизонту – волна за волной,
Надеемся – вождь Моисей или Ной.
Идём по пескам, по дурману лугов
Сквозь подлые козни коварных врагов,
Жилища неверных пуская на слом,
Идём на войну с ошетенным Злом.

Мы – блики в остывшей осенней траве,
Дрожащие тени в гниющей листве,
Осиновый шорох туманных лесов,
Шуршание крыльев разбуженных сов.
Мы – сгустки калорий, питательный корм,
Оплывшие контуры тающих гор –
У предков геройские песни крадём –
Колонной под дудочку к счастью идём.

02.17

То берёзка, то рябина

*Как легко мне теперь от того, что ни с кем не расстался.
Слава Богу, что я на земле без отчизны остался.*

И. Бродский

.....

То берёзка, то рябина –
Безысходная тоска...
Драгоценная чужбина –
Два притопа, три мазка.
В небе тают эвкалипты,
Ешь, работай, не тужи...
В даль сиреневую влиты
Небоскрёбов этажи.

Перепутались туманы
Над Гудзоном и Невой.
Бары, грюсегу, шалманы,
Рваный Blues, эстрадный вой.
Восемь родинок на теле,
Краснота припухших век...
Кто же я на самом деле:
Русский или человек?

02.17

Розовый воздух

Розовый воздух
Спит в паутине ветвей
Сливы цветущей.

.....

Озеро дремлет.
В толще медлительных вод
Прячутся тени.

.....

Шорохи листьев...
Слышен в осеннем лесу
Голос печали.

.....

Душное лето.
Плавится город больной
В каменном пекле.

.....

Крики торговок,
Запахи рыбы сырой.
Всё продаётся.

.....

Свет Вифлеема
Вязкую тьму разорвал.
Мир изменился.

04.17

Зима... ложились сумерки, густы

Зима... ложились сумерки, густы.
В лиловой мгле подрагивали ели...
Укрывшиеся инеем кусты
Вдоль просеки настойчиво темнели.
Деревья, одеяний лишены,
Смыкали в небе спутанные кроны.
Взрезал немую вязкость тишины
Тоскливый крик встревоженной вороны.

Сгущалась тьма, таинственно шурша –
Необратимо, тягостно, бесплотно.
Стволов уснувших въедливая ржа
Скрывала мир безжизненно-холодный.
Гудела ЛЭП, взволнованно искрясь,
Как в ноябре семнадцатого Смольный...
И тени на снегу, укрывшем грязь,
Лежали фиолетово-безвольно.

05.17

Крутится-вертится над мостовой

Крутится-вертится над мостовой
Пламя погасшей листвы.
Город измученный, полуживой...
Дремлют в тумане мосты.
Небо сочит на остывший гранит
Влагу раскрывшихся пор;
Слабые запахи лета хранит
Стиснутый окнами двор.

Сонно дрожит неопавшей листвой
Тополь – наивно-упрям;
Труб водосточных пугающий вой,
Шорох шагов ноября...
Тёмные спины сомнамбул-бабуль,
Парков листвяная прель...
Трудно поймать ускользящий пульс,
Если не скоро апрель.

04.17

Смотрю в окно: домов унылый ряд

Смотрю в окно: домов унылый ряд,
Трамвай, пространство мучающий лязгом...
Две женщины о чём-то говорят,
Одна качает синюю коляску.
Движение белёсых облаков,
Универсам, обломки бочкотары...
Неоновые буквы: "Молоко",
Пугающая гулкость тротуаров.

Проспект – подвижный, дышащий, живой –
Снующий взад-вперёд неутомимо...
Газоны с умирающей травой,
Бессмысленно-людская пантомима.
Деревья – хаотично – невпопад,
Асимметрия вытопанных тропок...
Холодный город, осень, листопад
Над суетой – пронзителен и робок.

04.17

Меня удручают размеры

Меня удручают размеры страны проживания.

Б. Окуджава

.....

Меня удручают размеры
Отчизны. Пустоты да голь...
Слепая восторженность веры,
Охрипшие крики: "Доколь!?"
Унылые рощи на взгорках,
Глухая тоска гаражей,
Дрожащие ржавые корки
В руках посинелых бомжей.

Здесь любят совместно гордиться
Изломами горькой судьбы,
Здесь клетка на каждую птицу,
А чтутся не лица – гробы.
Здесь вечноживые идеи
Плодятся в подкорках людей,
И правят страной лицедеи,
И в небе царит лицедей.

И, вроде бы, смазаны сани,
И есть в холодильниках шпиг,
Но снова безумный Сусанин
Заводит отчизну в тупик.
Всё туже родимые вожжи,
Всё явственней запах атак...
Я чувствую гландами, кожей –
Всё снова фатально не так.

01.17

Карельское озеро

На электричке час – не долго,
А там пешочком – вот и цель:
Гранита тёплые осколки,
Лилово дремлющая ель.
Две сопки – девственно стыдливы –
Брусничный склон, расшитый мхом...
Чуть уловимый вдох залива
В углу затерянном глухом.

Озёрной вспышкой лес разорван,
Снуют стрекозы в тишине,
Здесь мир живой – не иллюзорный –
Ни “Мерседесов”, ни “Шанель”.
Упругий ствол сосны высокой
Палящим солнцем в небо вшит,
И полусонная осока
О чём-то благостном шуршит.

01.17

Бывает, взрежет ночь сирена скорой

Бывает, взрежет ночь сирена скорой.
В углах клубятся сумерки, густы.
Посмотришь за окно – уснувший город,
Безжизненные зимние кусты.
Мелькнут в тоске фонарного декора
Реальностью оплавленные сны:
Далёкие безлюдные озёра,
Удушливые запахи весны.

Застынешь у окна – бессильный пленник;
На тротуарах – выщербленный лёд...
Неоновая вывеска "Пельмени",
Блудницы из гостиницы "Полёт".
Пространство над тобой чернее сажи,
А ты – себя не чувствующий ты –
Меняешь всё, что нажил и не нажил,
На вечный зов холодной пустоты.

01.17

Спидола

Нивы сжаты, рощи голы...

С. Есенин

.....

Спят леса, печальны доли
В тяжких думах – кто о чём,
Лишь щебечущей “Спидоле”
Дождь промозглый нипочём.

Нивы сжаты, рощи голы,
Кашель с насморком, отит...
Заливается “Спидола” –
Воет, давится, свистит.

Тишина... остыли реки,
Страсть не выгрызет нутро.
Коченеют чебуреки
В общепите у метро.
Снятся тёплые атоллы –
Жар полуденный висит...
Ночь, хрипящая “Спидола”,
Город, осень, би-би-си.

01.17

Январь накрыл планету мерзлотой

Январь накрыл планету мерзлотой...
Тяжёлый шпиль – когда-то золотой –
Вот-вот усталой бронзой раздробится.
Наполнен мир звенящей тишиной.
Змерзает в лёд унылое пшено –
В такую стынь ни ангела, ни птицы.

Вонзая в город хищную иглу,
Сползает солнце в тлеющую мглу,
Грозит печальной участью – не шутит...
Пустынный двор безвременье хранит;
Двухвековой обветренный гранит
Сжимается от холода и жути.

Безжизнен мир – молчит, остановясь.
Уснувших парков стынувшая вязь...
Засыпал снег продрогшие аллеи.
Но свет неона мягче и добрей,
И слаще зов тропических морей,
И хризантемы чище и белее.

01.17

Египет

Ведь кажется мне, будто я – египтянин...

Э. Шклярский
.....

Опоздавший октябрь... Желтеют усталые липы,
С каждым утром обильней туман, холоднее гранит...
За морями лежит занесённый песками Египет,
И пустыня колыхается – древние тайны хранит.
Этот лев-исполин – порождение жаркого ветра –
Летаргичен застывший надмирно-безжизненный взгляд...
Нил пронзает саванны, эпохи, пески, километры –
Неотступного времени сердце сжигающий яд.

Воспалённое солнце висит нескончаемой вспышкой,
Пробиваясь белёсой дугой сквозь горячий туман –
Это тягостно, страшно, нелепо, немыслимо – слишком
Для ничтожных возможностей данного людям ума.
Жёлтый дым, оплетающий небо тугими сетями,
Скарабей, одиноко катящий загадочный ком...
Наблюдаю, молчу, будто я – полубог-египтянин –
Опалённый бесстрастным светилом и жарким песком.

05.17

Маки Ван Гога

Он рисовал ботинки и людей,
Тугой наклон волнующихся знаков,
Манящий свет на дремлющей воде...

А я всё время думаю о маках.

Они – рассветно розовый атолл;
Дразнящий взгляд недавшего слова
В букете, оплывающем на стол
Неотвратимой сущностью живого.

Густы цвета, настойчивы мазки –
Порывы женщин, скромности лишённых.

Вонзает в душу вкрадчивый москит
Иглу ночей – тоску-незавершённость.

Они – греховной алости расцвет
В лиловой мгле небесной круговерти,
Короткой жизни мечущийся свет
И темень надвигающейся смерти.

06.17

Тихим облаком над морем

Тихим облаком над морем
Поплывёт моя тоска –
Сплин октябрьский – не горе –
Хмарь осеннего мазка –
На семи бесцветных нитях
Над поверхностью воды...
Даже ангел – мой хранитель –
Не почувствует беды.

Не почувствуют туманы,
Густо лягут на постель,
Лишь на зорьке – рано-рано –
Встрепенётся коростель.
Роща зябко отзовется
Звоном утренних монист,
Да от ветки оторвется
Пожелтело-сонный лист.

06.17

Окраина

Чёрная глыба окраины –
Абрис изломан и груб.
Сто двадцатью самураями
Армия вздыбленных труб
Врезана в толщу небесную –
Дьявольской мощью дрожит...
Жуткие гопники-местные –
Цепи, кастеты, ножи.

Если ограбят – не рыпайся –
Лучше молчи – не ори.
В тёмном пространстве на выпасе
Тускло висят фонари.
Напоминают о Каине
Гиблые эти места...
Не на холме – на окраине
Люди убили Христа.

06.17

Родимое пятно

Осень разлеглась по тёмным лужам,
Обещая дембель пацанам.
Коршун одиноко в небе кружит...
Шапки вместо выцветших панам.
Горы – ледяные истуканы –
Стражи недобытому руну.
Возвращались парни из Афгана
В пьяную от вольности страну.

За спиной – потерянные годы –
Ни любви, ни света, ни мошны,
А страна, упитая свободой,
Их списала – больше не нужны.
Заклеймила, извернувшись ловко,
Пряча совесть в пухнущем зобу...
И они в заплёванных хрущёвках
Заливали горькую судьбу.

Ничего нет памяти дороже,
Остальное – вешняя вода...
Чертыхались скурвлённые рожи:
“Мы не посылали вас туда!”
Жизнь, тончая стираным ватином,
Обнажает илистое дно...
Тлеет под изношенной грудиной
Чёрное родимое пятно.

06.17

Сонные аллеи

Одиночество лелея
В час полуночной тиши,
Выйду в сонные аллеи –
Мрак осенний – ни души.
Фосфор глаз лиловой кошки,
Шорох дремлющих осин...
На росистую дорожку
Свет роняет магазин.

Жизнь понятнее и ближе,
В голове – тягучий альт...
Тень колыхается и лижет
Влажно дышащий асфальт.
В гуще сумрака таится
Мир неведомых морей...
Ни души вокруг, ни птицы,
Лишь бессилье фонарей.

06.17

Забудешь радости, обиды

Забудешь радости, обиды,
Тоску продрогших городов,
Бесснежных улиц, фраз избитых...
Прошепчешь небу: Да, готов
Неясный свет остатка жизни
Отдать за гаснувший закат –
Вот он – над морем сонным виснет...
За шорох сумерек, цикад.

И будешь видеть, как, сгущаясь,
На мир ложится тишина –
Покой и вечность обещаю,
Как верность юная жена.
Небес дрожащая присыпка
Напомнит: “Аз за всё воздам...”
Качнётся призрачно и зыбко
В ночной воде твоя звезда.

07.17

Парк октябрьский шуршащий

Парк октябрьский шуршащий,
Рябь по луже юркой змейкой...
Ветер лист опавший тащит,
Дремлет ветхая скамейка.
Разлеглись на кронах умбры,
Аполлон скульптурно мокнет...
Растворяя вязкий сумрак,
Зажигает город окна.

Тишина, покой и вечность
Успокаивают душу,
Пламя осени беспечной
Морось призрачная тушит.
Фонарей желтеют пятна –
Маяками дышит Мекка...
Как же всё-таки приятна
Жизнь простого человека.

07.17

Какими-то нелепыми скачка́ми

Какими-то нелепыми скачка́ми
Проходит жизнь – то омуты, то брод...
Вчера читал с похмелья Мураками,
Сегодня поливаю огород.
Планета остывает постепенно,
Сгоревшими неделями соря;
Становится незыблемое пеной,
И думается: прожитое – зря.
И только одинокими ночами,
Догадки леденящие тая,
Осознаёшь: нет радости, печали,
А есть непостижимость бытия.

07.17

Июнь на даче

На даче запах трав, цветущей сливы,
Глазницы чёрных ласточкиных нор...
Шуршит река – темна и молчалива,
За ней луга – свобода и простор.
Там спит валун – покоящийся Будда,
Играет ветер зеленью осок,
Тончайший лёд хрустальных незабудок –
Короткой жизни выдавленный сок.

Корявый страж звенящей луговины –
Причудой ветра выращенный бук.
Глаза ромашек трепетны, невинны;
Остолбеневшей ящерики испуг...
Там всё другое: помыслы, привычки,
Там пересвист непуганых гагар,
Далёкий гул спешащей электрички
И рук твоих волнующий загар.

07.17

Central Park

В Центральном Парке дремлет осень...
Вонзившись в небо, мокнут шпили.
Опять невидимые оси
Картину мира изменили.
Дождём надорванное небо
Висит от края и до края...
Лиловый сумрак небоскрёбов
Во тьме клубящейся сгорает.

Земли заплаканные очи
Сжирает тысяча коррозий...
Не важно – хочешь ли, не хочешь –
В который раз явилась осень.
За небом цвета спелой сливы
Скрывает Бог иные дали...
Я размышляю боязливо:
Она пришла не навсегда ли?

07.17

Больничная терраса

Канадский клён – всё время красный –
Кому-то сад, кому-то лес...
Больница, летняя терраса –
Цветочки, столики, навес.
Всегда подстрижена лужайка –
Остывший след миров иных...
Мелькает белка-попрошайка
Среди смирившихся больных.

Тугой громадой вздыблен город,
Лениво дремлет океан...
Клён одиноко-чернокорый;
Упругий утренний туман
Несёт легчайший привкус соли;
Кормушки птиц полны пшена...
Как будто нет на свете боли,
А есть покой и тишина.

07.17

Осталось несколько недель

Осталось несколько недель
Жарой оплавленного лета...
На листьев мятую постель
Уронит дождь остатки света.
В холодном сумраке реки
Уснут раздевшиеся рощи...
Собьются птицы в косяки,
И небо сделается проще.

Немой прозрачностью дыши,
Гляди на север боязливо.
Вольётся трепетность души
В тоску остывшего залива.
Вальяжно осень выпьет кровь,
Разляжется кокоткой пышной...
Покорен будь, не прекословь,
Когда она войдёт неслышно.

08.17

Течёт сквозь время мутная река

Течёт сквозь время мутная река:
Берёзки, валуны, на скалах – ели...
И вот уже английская строка
Мне ближе русских палеха и гжели,
И безразлично-радостное "Хай"
Понятнее угрюмого "День добрый..."
И детских зим отцовский малахай
Похож на шаль встревожившейся кобры.

И сколько за былое ни держись,
Ни убеждай себя – мол, всё исправлю,
Не возвратишь истраченную жизнь –
Повержен будешь, высосан, раздавлен;
Увидишь, как клубящаяся мгла,
Раскинувшись, пространство мнёт и лижет...
Взметнётся тень из дальнего угла,
И небо станет ласковей и ближе.

08.17

Бесцельно роющийся крот

Бесцельно роющийся крот,
Барахтаясь в житейской мути,
Год завершает оборот
Вокруг невыявленной сути.
Всю ночь за холодом стекла
Под ветром яблоня качалась,
Как будто жизнь не утекла,
А повернула вспять – к началу.

И где-то в зыбком далеке
Заухали на стройке сваи,
Очнулись окуни в реке,
Пошли по улицам трамваи,
Проплыли мраморный курзал,
Кино с Дорониной и Гафтом...
И кто-то радостный сказал:
“Парнишка, будешь космонавтом!”

08.17

Ещё бормочет выцветшее лето

Ещё бормочет выцветшее лето
Ветвями утомлённых тополей,
Но осень – ослепительная Леда –
Сочит с небес невидимый елей
На хриплое дыхание проспектов,
На хаос копошащихся людей,
На храмы, на безверие, на секты,
На бронзовые чучела вождей.

На окнах вездесущие герани,
Но время не цветению – плодам,
И чувствуются шорохи на грани
Тугого поворота к холодам.
Ещё по воскресеньям шум на пляжах,
Ещё листва по лужам не гниёт,
Но хочется покоя – осень ляжет –
И стихнет мир в объятиях её.

08.17

Осенней горечью сочась

Осенней горечью сочась
На безнадёгу сонных парков,
Отяжелев, грозя упасть,
Тоска небес витает... В арке
Пустынно-гулкого двора
За два часа один прохожий.
Цветилась жизнь ещё вчера,
А нынче жёлтоватой кожей
Укрылся город... Тишина
В глуши Измайловского сада –
В себя ушедшая жена,
Устало смывшая помаду.

08.17

Когда в окно разглядываешь город

Кто-то вечно идёт возле новых домов в одиночку...

И. Бродский

.....

Когда в окно разглядываешь город,
То чувствуешь всесилие теней...
Домов лилово вздыбленные горы,
Обшарпанную ТЭЦ, трубу над ней,
Неоново дрожащие витрины,
Ночных аллей безмолвное нутро,
Холодный парк – оборван и рябинов,
Тоску ларьков у спящего метро...
И видишь: безраздельно и туманно,
Людских сует блаженно лишена,
Ложась на город выстраданной манной,
Хозяйничает в мире тишина...
И кто-то – к темноте эпохи стоек –
Под вой осенних ветреных альтов
Идёт вдоль молчаливых новостроек,
Закутавшись в бесцветное пальто.

09.17

На берегу реки стою и вижу

*Меняют люди адреса,
Переезжают, расстаются,
Но лишь осенние леса
На белом свете остаются.*

Г. Шпаликов
.....

На берегу реки стою и вижу:
Беспамятно качается вода –
Холодный камень набережной лижет...
Так было раньше, будет и всегда –
Во времена, когда меня не станет,
Не станет парапета и реки –
Лишь тени в облака ушедших зданий,
Лишь канувшего времени круги.

Умолкнет мироздание, застынет,
Как снимок фотокамеры "Рapid" –
Бескрайняя статичная пустыня...
Не будет ни прощаний, ни обид.
Останутся лишь шорохи в аллеях,
Ночных сомнений сумеречный вес
И небеса, что бесконечно тлеют
Вне времени, пространства и словес.

09.17

Промокший сквер, глухой и голый

Промокший сквер, глухой и голый...
Ночные улицы пусты...
Слепые окна мёртвой школы,
Во тьме шуршащие кусты.
Проспект, неоново-упругий –
Дрожащий холод сонных смальт...
В фонарно-жёлтом полукруге
Дождём исколотый асфальт.

Безликий мрак из чёрной раны
Сочит осенне-липкий яд.
Дерев немые истуканы,
Теряясь в сумраке, стоят.
В чужой земле скрежещут войны,
А здесь туман бесцветен, тих...
И город, призрачно-спокойный,
Забывший жителей своих.

10.17

Пространство хрустнуло к утру

Пространство хрустнуло к утру,
Расколото январским клином.
Гремела льдисто на ветру
Тяжелогроздая калина.
Лес мнился мертвенно-седым –
Не тербил дремоту-память –
Лишь выдыхал мохнатый дым
Окаменелыми губами.

И на снегу вороний след
Крикливых истин был весомей...
В пустых глазах истлевших лет
Найдётся ль то, что стоит вспомнить?
Кусты дрожали, тьму скребя –
Статисты мёртвого балета –
Как будто не было тебя
В туманах тлеющего лета.

01.18

Летаргично-зимний город

Летаргично-зимний город,
Истощённый хриплым сном...
Вязь рябины чернокорой
Под бесчувственным окном.
Август яблонево снится,
ТЭЦ назойливо гудит...
Суетливые синицы,
Недолеченный отит.

Никого не согревают
Глазки Леночек и Варь...
Грохот раннего трамвая,
Затянувшийся январь...
Ночью мертвенное вилосьь,
Или так казалось мне.
Только верба оживилась
В пыльной склянке на окне.

01.18

Пройдёт и это

Пройдёт и это... Время неозвратно –
Неудержим размеренный поток.
Истлела краска новеньких парадных,
Ушёл корабль, забыв родимый док.
Неясный шёпот в воздухе витает –
Прошедших лет нечёткие круги...
Ограда парка – чёрная, витая,
Холодный зов бесчувственной реки.

Другие лица, лозунги и смыслы,
Другие сны и розовая муть,
Лишь в небесах забытым коромыслом
Висит уснувший вечно-Млечный Путь.
Над суетой безбрежности парадов
Клубится сумрак алчных казино...
И лишь тогда бывает слово правдой,
Когда оно не произнесено.

02.18

О, как наивен и безгрешен

О, как наивен и безгрешен
Дождём обласканный цветок...
Сочится спелостью черешен
Июльской праздности итог.
Вползает в души август сонный
Росистой колкостью с утра,
Хлопочут тайные масоны –
Готовят холод и ветра.

Добра не зная и порока,
Темнеет космоса агат.
Локомотива гулкий рокот
Колышет млеющий закат.
Стоишь, томим неясной жаждой –
В себя влюблённый человек...
А лето кончится однажды –
Легко, как дождь, простуда, век.

02.18

Бывает, выходишь из дома

Бывает, выходишь из дома –
Покинувший Трою Эней...
Колышется город истомой
Ленивых июльских огней.
Дрожащая в сумраке Вега,
Вождь, тычущий в небо рукой...
Смердящие сущности века,
Мосты над холодной рекой.

Томятся вечерние птицы –
Во мглу, в безысходность зовут –
И кажется: всё возвратится
И мимо опять проплывут
Осенних нашествий знамёна,
Дымы из нахохленных труб,
И глаз твоих сумрак чернёный,
И пылкая сдержанность губ.

03.18

Мостов туманящихся спины

Мостов туманящихся спины
Молчат над сонной тишиной.
В глуши окраинной рябины
Осенней маются виной.
Я тоже маюсь – не понятно,
Куда исчезли соловьи...
Луна высвечивает пятна
И червоточины свои.

Деньков ушедших отголоски
Стихают в шорохах аллей.
На стенах – лунные полосы –
Снегов невыпавших белей.
Шурша хребтом, глухой ноябрь
Вползает в муторные сны,
И мысль одна: дожить хотя бы
До первых судорог весны.

03.18

Мерещатся кораблики

Мерещатся кораблики бумажные –
Года мои, годочки и годки –
Как-будто сны, тяжёлые и влажные,
Скликают тепловозные гудки.
Туманы обволакивают прошлое,
Шурша, сползают с шифера стрехи.
Колышутся под зябкими порошами
Знакомых лиц забытые штрихи.

Закаты, пламенея над долинами,
Настаивают мглу – лиловый яд...
Укрыты города тенями длинными...
Тончающую память бережат
Дыхание полей осенне-мятное,
Ночных домов размытое тату
И нечто неотступно-необъятное,
Стремящееся сутью в темноту.

04.18

Не слышно шума

*Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина*

Ф. Глинка

.....

Не слышно шума – город умер,
Ползёт ночного мрака слизь.
Дома унылой грудой мумий
В глубины неба вознеслись.
Проглочен водами залива
Бессильно тлеющий закат.
Вздыхая, некто молчаливый
На Землю смотрит свысока.

Затянут туго млечный пояс,
Звезда со шпильями "на ты",
Пронзая ночь, уходит поезд
В шершавый холод темноты.
Глокает станции дорога,
Забыта горечь рук жены,
И трубный вой единорога
Задушен вдохом тишины.

04.18

Как найти причину?

Как найти причину, чтоб расстаться –
Раскрутить заевшие тиски –
Пережив кошмары ампутаций,
Не истлеть в шуршании тоски?
Как набраться смелости оставить
В суть вещей проникнувший мирок,
Заскользить на новом ледоставе,
Избежав падений и морок?

Ветер гонит жухлых листьев своры,
Морось в небе – сотканный альков...
Разгораясь в лужах, светофоры
Оживляют стылость облаков.
Город спит, изъеденный кручиной,
Мокнут парки, крыши и вожди...
Чтоб расстаться, мы нашли причины:
Шорох листьев, темень и дожди.

04.18

Мёртвый город

Мир успокоив, ранняя зима
Угомонила суетность ума,
Легла на город статикой забвенья,
Неся народам мудрость и покой,
Вонзила вечность мертвенной рукой
В каналов остывающие вены.

Искрится мир холодного стекла...
Чумная кровь бесследно истекла,
Остановив безумный грохот пульса.
Ни голосов, ни скрежета машин...
Впиваясь в мозг, влечёт – неудержим –
Дрожащий зов окаменелых улиц.

Ночных небес бесчувственная шаль...
Ушедшей жизни судорог не жаль.
Тугих ветров кочующие орды.
Парадников сырая благодать –
Подвальный рай – Эдем – ни взять, ни дать...
И город, тишиной распятый, мёртвый.

04.18

Тому, кто вечно ищет

*По несчастью или к счастью
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.*

Г. Шпаликов
.....

Тому, кто вечно ищет,
Достанется гастрит...
Взгляни-ка: пепелище
Цветочками пестрит –
Густой травой бормочет,
Младенчеством осин...
Ну как тут, что есть, мочи
Не мчаться в магазин?

Не утверждай надменно
Мол, истина права.
Взрастёт в иссохших венах
Мягчайшая трава,
А поиски чреватые
Бездумной тратой ватт...
И ты не виновата,
И я не виноват.

05.18

Аппалачи осенью

Цвет разбухшей в ленивых дождях кураги
Стелется.
На вершинах уныло вращают круги
Мельницы.
Желтизной нависает безмолвие гор,
Осенью...
Над холодной рекой возвышается горб
Сосенный.

Небо ввысь улетает и падает вниз,
Сдутое,
Тёплым шорохом дрожи влюблённых лисиц
Кутая.
Неподвижна дорога, с извивом змеи
Схожая.
Прорастают леса в хромосомах моих
Кожами.

Ускользя в пространство, бледнеет закат
Розово.
Набухает востока лиловый агат
Грозами.
Небо, тая, дрожит, изливается вниз
Млечностью.
Утомлённой пружиной скрипит механизм
Вечности.

05.18

Холодный лист – изгнанник ноября

Холодный лист – изгнанник ноября –
Унылый бомж на парковой скамейке –
Виток судьбы свершившийся коря,
Дождю внимает – сморщенный и клейкий.
Безмолвна суть пустынного двора –
Покорна мгле и сырости осенней...
Уснувшей арки чёрная дыра
Не знает ни восторгов, ни сомнений.

Уже пронзил безжалостный клинок
Пространство дней, забывшее о лете,
И меж домами – вечно одинок –
Ввергает в ужас тьму промозглый ветер.
И город в тишине ночной парит –
Влюблённый рыцарь – внемлет ей и служит...
В туманной выси дремлют фонари,
И жёлтой мглой подрагивают лужи.

05.18

Чёрная жемчужина

Силой тьмы разбужена
Лунный держит вес
Чёрная жемчужина –
Мрак ночных небес.
Вечно молчаливая –
Сна хранит настой –
Августовской сливою,
Гулкой пустотой.

Чёрная жемчужина –
Зимняя лоза,
Угольное кружево,
Мёртвые глаза,
Шорох бесконечности,
Капля на пере,
Вдох остывшей млечности,
Небо в январе.

Сколько в сердце впущено
Вязкой тьмы ночей...
Семечек налущено,
Вскормлено печей.
Братом-сыном-суженым
Был когда-то я...
Чёрная жемчужина –
Символ бытия.

06.18

Беда проходит стороной

Любовь кончается, как дождь...

Александр Смогул

.....

Беда проходит стороной,
Клубясь в сплетениях жасмина.
Иссякнув золотом, руно
Шагренью корчится в камине.
Так опьянённый властью вождь
Вином не попадает в чашу –
Проходит августовский дождь,
Проходит, так и не начавшись.

И “зелень глаз”, и тихий смех
В земле растают, станут мелом –
Так взвесь событий, лиц и вех
Меняет цвет на чёрно-белый.
Напрасно сто прекрасных дев
Томясь надеждой, ждут рассвета...
Сгорев, растаяв, отшумев,
Любовь кончается, как лето.

05.18

Опять уткнёшься взглядом в небеса

Опять уткнёшься взглядом в небеса,
Пытаясь отыскать беглянку-рыбу...
Увидишь в жёлтом мареве леса,
Закатом опьянённые Карибы,
Шершавую тоску осенних мхов,
Уснувший сквер, початую бутылку...
Уляжется – покоен и пухов –
Тревожный шорох в области затылка.

Забудешь и о рыбе, и о дне,
Сулящем лишь обилие сомнений...
Неясные движения на дне,
Глухие неопознанные тени.
Пронижет душу холодом – хоть вой –
Последняя тоска дневного света...
Осыплются измученной листвой
Не найденные вовремя ответы.

06.18

Весна в горах

Время рассвета... Дрожащий неон
Гонит к подножию мглу.
Горы бесщётным количеством тонн
Топчут ночную золу.
Тает в расщелинах вязкий туман,
Зреющим солнцем согрет.
Тенью упав на глухие дома,
Тянется ввысь минарет.

Туго натянутый алый батут
В небо швыряет века –
Маки невинно-кроваво цветут,
Перерастая в закат.
Дальней грозы ужасающий рык
Рвёт тишину облаков.
Жизнь потерять – будто плюнуть в арык –
Так же предельно легко.

Ночь, заползая в ущелья, прижмёт
Отяжелевший туман.
Вытащив выспавшийся пулемёт,
Зло улыбнётся душман.
В бурой коросте ладони его,
Горечь во взгляде жены.
Хочет чего-нибудь? Нет, ничего –
Только ночной тишины.

06.18

Август лёг безраздельно...

Август лёг безраздельно... Ещё полновесны стада
Золотых облаков, и беспечна вечерняя нега,
Только в дремлющем небе, глядишь, и мелькнёт пустота,
Предвещающая тотальную смерть и безжизненность снега.
Это время надёжнее переживать одному...
Мельхиоровый месяц края заострённые сузил.
Отгоревшие звёзды, царапая вязкую тьму,
Неизбежно сплетаются в зреющий бедствием узел.

Можно думать о жизни, тоске, лишь о смерти нельзя...
Неопрятно пятниста лужайка у сонного дома...
Мысли тянут в воронку, безумно вращаясь, скользя,
Неотступно стремясь в безнадежность пышущий омут.
Звёзды бледно рассыпались – хищные взгляды остры,
Небосвод изогнулся – молитвой измученный инок...
Ледяное пространство... Мне снятся ночные костры
На обглоданных ветром, не знающих лета равнинах.

08.18

Придёт апрель

Придёт апрель, и не растает лёд,
Усталое светило не взойдёт,
Но свет необъяснимый станет видим –
Когда-нибудь, не скоро, а пока
Всё так же молчаливы облака
И город бесконечно суициден.

Осиновая дрожь живёт в сердцах –
Пространство без начала и конца –
Мир помыслов, прокуренных и смрадных...
В туманной жути горбятся мосты,
Дворы промозглой сыростью густы,
Тугим охрипшим ужасом парадных.

Вселенский дым струится сверху вниз,
Холодный дождь царапает карниз,
Унылый парк в изорванном исподнем...
Куда ни глянь – бесцветная тоска,
И улица пустынна и узка,
И ты, растратив жизнь, не стал свободным.

10.18

Ты спишь

Ты спишь, и Бог прощает мне грехи,
И грудь твоя – две маленькие скрипки...
Истлели до безликости трухи
И лунный свет, и звездочки, и липки.
Истлело всё: и завтра, и вчера,
Угрюмый шкаф и выцветшие стены...
Худой хрущёвки полуконура –
Цветущий сад блаженного Эдема.

А я не сплю – мне чудятся хребет,
Тугая шерсть и жадный хлип гортани,
Как будто он – властитель зла и бед –
Пронизан тьмой, пришёл за новой данью.
Как будто он – бесстрастный альгвазил –
О тяжести грехов моих вещает,
И Бог устало – из последних сил –
Не веря, не надеясь, но прощает.

08.18

Я выбираю свободу

*Я выбираю Свободу,
И знайте, не я один!*

А. Галич

.....

Взломаны древние коды,
Смыты рисунки с руки...
Я выбираю свободу –
Жизнь молчаливой реки.
Я выбираю туманы,
Морок безлюдных ночей
Ниццы, Москвы, Амстердама...
Главное – зваться “ничей”.

Сладкое слово “свобода” –
Выдох июлей ржаных –
Тайная сущность испода,
Правда ночной тишины.
Вздыбились трубно заводы,
Спящему небу грозя...
Я выбираю свободу –
Мне по-другому нельзя.

10.18

Неужели не я

*Неужели не я, освещённый тремя фонарями,
Столько лет в темноте по осколкам бежал пустырями?*

И. Бродский
.....

Неужели не я, познавая миры и пространства,
На чужбине прижился, отечеству став чужестранцем?
Изнывал от тоски, чертыхаясь в толпе гастронома,
От нелепости мира впадал в бездыханную кому?
Неужели не я – атеист, завербованный сектой –
Жил на этих, растающих в юность, холодных проспектах?
В тёмно-синем плаще проходил по осеннему парку,
Осязал сиротливые мачты уснувшего барка?

Неужели не я, посадив две рябины у школы,
Возмущался жестокостью ига татаро-монголов
И в охрипшей парадной, портвейн распивая с друзьями,
Согревался плавильней горячих туманов Маями?
Под бодрящие лозунги кухонной радиоточки
Наблюдал из окна, как на волю стремятся листочки,
Был учения Маркса слепым и упёртым фанатом,
Видел рвущийся дым из железной трубы комбината?

Неужели не я, а какой-то безликий парнишка
В неизвестность бежал по ступенькам, не зная одышки?
Бесприютно бродил в темноте под сиянием млечным,
Не желая и думать, что всё так жестоко конечно...
Наползают туманы с укрытого мраком востока.
Стынет бронзовый Пушкин – потерянно и одиноко.
Я стою на мосту, не надеясь дожждаться ответа.
Золочёные шпили пронизаны воющим ветром.

11.18

Явившийся на свет из темноты

Явившийся на свет из темноты –
Испуганный, слепой и одинокий –
Предписанным путём шагаешь ты,
Ведомый всефиксирующим оком.
Корёжась в лапах смыслов и идей,
Обтёсанный моралью и культурой
Играешь роль – умелый лицедей –
Невольник хищных демонов природы.

Живи, гордись – карьерой и мощной,
Жестокой сутью родины и предков –
Ловец удачи – жуткий и смешной –
Орёл пленённый – житель тесной клетки.
Но час пробьёт – остывшая звезда –
Взойдёт над миром – суетным и зимним...
Услышишь голос нового Христа
Отчётливей восторженности гимнов.

04. 19

Беспечна суть семидесятых

Беспечна суть семидесятых –
Пора открытий и вина –
Заматеревшие ребята –
Усы за лето – оба-на!
Идёшь – в себя и мир влюблённый,
В адмиралтейскую иглу...
У пирожковой дремлют клёны;
Пивточка дальше – на углу.

Модерн облезлой штукатурки,
Манерность женщин – чьих-то жён...
Здесь даже самый ушлый урка
Культурой в сердце поражён.
Афиша: "Золото Маккены",
Орут бездомные коты...
И звёзды, словно сюрикены,
Висят в пространстве темноты.

04.19

Я, наверно, понять не смогу

Я, наверно, понять не смогу,
Как дождями смывает тревогу...
Эта тень на лиловом снегу –
Знак немого присутствия Бога.
Тихий свет – непонятный, иной
На холодном исподе постели.
Одинокий прохожий ночной,
Перепутавший дни и недели.

Зеленеет к утру горизонт,
Ускользают чугунные мысли.
Темнотой обескровленный сон
Набухает светлеющей высью.
Громоздятся в ночи этажи,
Спят народы, покорны режимам...
Можно думать хоть целую жизнь –
Всё останется непостижимым.

04.19

Баня

Моя возлюбленная – Маня –
Раз психанула, дав совет:
Пошёл бы ты, Василий, в баню –
Уже сидишь в печёнках, Фет!
И я пошёл... Дубовый веник –
Под мышку; две “ноль-пять” – в портфель...
Прекрасней в жизни нет мгновений –
Тускнеет даже Куршавель.

И – ни вождей, ни олигархов,
Пророков, рвущихся в полёт.
Один цитирует Плутарха,
Другой о девушках поёт...
И я – придя домой – счастливый,
Полил цветочки на окне...
Шумели кронами оливы,
И Маня улыбалась мне.

08.19

В ноябре легче дышится

В ноябре легче дышится. Тихо, темнеет рано.
Источая нирвану, рубцуются в небе раны.
Безразличные взгляды – ни радости, ни укора.
Фиолетовый мрак накрывает притихший город.
Утомлённые парки теряют цвета, оттенки,
Неподвижные тени лежат на кирпичной стенке,
Разбухает листва в глубине задремавшей лужи,
Ближе к вечеру улицы тише, безлюдней, уже.

Покорившись граниту, бессильно молчат каналы;
Продираясь сквозь небо, закат стекленеет ало,
Зажигаются окна, бредут в полумраке люди...
Возвращается всё, только лета уже не будет.
По утрам над водой тяжелеет расплыв тумана,
Осыпаясь дождями, слетает на землю манна.
Безнадёгой шагрени, ссутулясь, уходит лето...
В ноябре будет легче – так хочется верить в это.

08.19

После бани

Придя в себя, почуяв мрак,
Зажав под мышкой банный веник,
Я думал: "Мама, как же так?"
И как домой идти без денег?
Противно ёжилась спина
В немой тоске осенней лужи.
Безмерной виделась вина...
Я никому теперь не нужен.

С бесстыдной лёгкостью лица
Обрушил в грязь мечту и веру,
Честь гражданина и отца,
Моральный облик инженера.
А ведь когда-то я не пил,
Ходил в кружок с соседом Витей...
Теперь – подонок и дебил –
По мне тоскует вытрезвитель.

Дворцов изысканный винтаж,
Унылый вид безлик и скуден.
Исакий, Стрелка, Эрмитаж,
Вы – палачи мои и судьи.
Осенним городом дыша,
Я плакал, мерзко подвывая...
Томилась, хлюпая, душа.
Звенели ранние трамваи.

09.19

Вот небо сделалось прозрачней

Вот небо сделалось прозрачней,
Расплылись контуры теней.
Деньки отжившей эры дачной
Туманней стали и длинней.
Шуршит, наваливаясь, осень –
Уничтожающе права.
Угрюмый флюгер в купоросе,
В печи растрескались дрова.

Погожий день – уже удача –
Блаженство точного мазка.
Уныло в осень смотрит дача –
Дымок лиловый да тоска.
Темнеет. Вместе мы, но порознь –
Ущербных крыльев слабый взмах.
Лишь неприкаянная морось
Лежит на вымерших домах.

09.19

Букетик хризантем

Букетик хризантем, пяток пирожных
Коллеге-стихотворцу подарю.
"Высокая поэзия!", "До дрожи!" –
Слова-ириски сыплю к алтарю.
Поставлю "пять", воскликну: "Браво, браво!",
"Отлично, замечательно, зер гут!"...
Умножу списки творческой оравы,
И в даль меня Пегасы повлекут.

А мимо поплывут стада туманов,
Сиреневые сумерки, луга.
Снега обильно лягут сонной манной,
Повиснут над дорогой облака.
И сделается речь моя убогой,
Уйдёт на дно ненужное весло...
Простая суть замысленного Богом
Затмит пожары вымученных слов.

09.19

Будь готов

Тише становится звук уходящего лета.
Можешь вернуть его? Ладно, не мучайся, плюнь.
Кутаясь в сонный покой молчаливого пледа,
Лучше подумай: а будет ли новый июнь?
Будет, наверное... Будет, а как же иначе?
Город затих, обездвиженный мёртвой водой.
Ветер за тёмным окном – будто девушка плачет –
Переживает – не вечно ей быть молодой.

Царственно бродят в пространстве лиловые тени –
Мягко шуршат – не приемлют гремучую медь.
Слышатся в дальнем углу голоса привидений –
Много их – сырых, уставших ночами сопеть.
К дальней дороге готовы кричащие птицы.
Горькие взгляды последних осенних цветов...
Если боишься чего-то – оно и случится,
И непременно – когда ты не будешь готов.

09.19

Конец Большого Эксперимента

И вот, закрыт Большой Эксперимент,
Закончившийся полной неудачей.
Утратил мощь связующий цемент,
Обрушились бомжатники и дачи.
Нависла гробовая тишина,
Земля достигла хрупкости ракушки...
Хихикала стервозная жена,
Неверный муж прикидывался душкой.

Соседи издыхали за стеной,
По улицам бродили отщепенцы.
Грузил в баркас узлы спасатель Ной,
Раскачивался мэр на полотенце.
Сжирали город паника и вой,
Придя на смену лжи и интриганству...
Трудяга Бог – усталый, но живой –
Работал, совершенствуя пространство.

10.19

Доверив пёстрый шлейф пажу

Доверив пёстрый шлейф пажу,
Идёт "очей очарованье".
На службу больше не хожу –
С утра балдею в тёплой ванне.
Забыты шлёпанцы и зной,
Карьеры благостные взлёты.
Листва пронзает желтизной
Умы оживших рифмоплётов.

Всё больше мудрости в вещах,
Всё меньше бренности и света...
Проходят женщины в плащах,
Под нос нашёптывая Фета.
И я уже не я – другой –
Простой, земной, не эпатажный...
А на Земле такой покой,
Что понимаешь – жить не страшно.

10.19

Осень – дивная пора

Осень – дивная пора –
Краски блёклы и пастельны.
На носке моём дыра.
Тень щетины двухнедельной.
Город в спячку погружён –
Не разбудишь даже пушкой.
Клён – стареющий пижон...
Оживу, втопчу чекушку
И пойду давить асфальт,
Окунать ботинки в лужи
Под ветров занудный альт.
Всё могло бы быть и хуже,
Но сложилось как-то так...
Рассуждать теперь – пустое.
Жизнь – истёршийся пятак –
Ничего она не стоит.

10.19

Холодный вечер

Холодный вечер... птиц осенних
В дали колышущийся клин.
Густая мгла вползает в сени,
Клубится спелостью калин.
Луга, иссякнув разнотравьем,
Предзимним ужасом полны –
Хлебнули стынувшей отравы,
Напились бледности луны.

На сиротливые поляны
Ложится блёклая роса.
Заборчик, кривенький и пьяный...
Пусты, прозрачны небеса,
И я – неряшливый и тощий –
Похож на вздорную козу –
Как будто спрятался от тёщи
В закатно тлеющем лесу.

10.19

Апрель

Над водой склонилась ива –
Будто в зеркальце смотрясь.
Март прополз неторопливо –
Подсушил к апрелю грязь.
Серость зимнего балета
Извела вконец, змея...
Ничего – нагрянет лето –
Запою, глядишь, и я.

Рощи вырядятся в ситцы,
Зазвенит в закатах медь.
Станут ласточки носиться,
Будут сумерки густеть.
Прикручу на дверь подкову
Чёрту хитрому назло.
Мир устроен бестолково –
Людам с ним не повезло.

10.19

Однажды встретясь

Однажды встретясь, два субъекта
Решили жить, не расставаясь...
Молчали сонные проспекты,
Взрывались грохотом трамваи.
Круша пространство и корёжа,
Хрипели лопасти Вселенной...
Он – Сэмюэль или Серёжа,
Она – Айгюль или Елена.

Шуршали стрелки монотонно,
Съедая время круг за кругом.
Не слыша лозунгов и стонов,
Они смотрели друг на друга
И ели хлеб, и пили чай, но
Не понимали суть, наверно...
Ведь жизнь невысказанно случайна,
И только смерть закономерна.

10.19

Ноябрь с города смывает

Ноябрь с города смывает
Останки летних наваждений.
Смиренны сонные трамваи,
Тихи́ безропотные тени.
К безлюдно-мокрым тротуарам
Прибиты шкуры листопада.
На Землю сходит Божья кара –
Аналог стынувшего ада.

Чернея мертвенностью, лужи
Съедают карму отражений.
Упырь Вселенной – Вечный ужас –
Страшит фатальностью движений.
Полны́ разверзнутые хляби
Тоской несбывшегося лета,
И я – глупец в нелепой шляпе –
Меняю небо на котлеты.

11.19

Муза, пискнув, замолчала

Муза, пискнув, замолчала,
Потекла речушка вспять.
Заползло во двор мочало –
Начинай, поэт, опять
Сочинять про свет лампы,
Наготу промокших крыш,
Шпили, скверы, листопады,
Росы, шорохи, камыш.

Напиши про дым, разлитый
Над тоской осенних дач,
Будь сознательным пиитом –
Об отечестве поплачь,
Ополчись на границу...
А когда в кровать пойдёшь,
Пусть тебе, дружок, приснится
Заяц в шортах или ёж.

11.19

Дымящиеся следы

Расколотья готова небесная твердь,
Сожжены корабли, ухмыляется смерть,
На разбитых дорогах кликуши вопят,
Вызревает в полях не пшеница, а яд.
Упивается властью столикий урод,
Задыхаясь, хрипит человеческий род,
К обозначенной цели пинками ведом...
Город влажно ощерился каменным ртом.

Люди-зомби идут на бесовский огонь –
За затылком затылок, в ладони – ладонь,
Принимая за свет ускользящий дым...
Тащат крохи по пыльным жилищам своим
И надеются: кто-то услышит их "SOS",
И вернётся спаситель – сбежавший Христос,
Но сгущается мрак безответной воды,
И кружит вороньё, и дымятся следы.

11.19

Лилово-дымчатый, в пижаме

Лилово-дымчатый, в пижаме,
Июльский день почти затих...
На пустыре за гаражами
Сидим, колдуем на троих.
Беседа тянется неспешно,
Во мгле томятся фонари.
Не думай, брат, о неизбежном...
Расслабься, выпей, закури.

Укрыта высь небесным тюлем,
Колышат сумерки траву.
Ночные запахи июля –
Вдохну и, кажется, живу.
Стихают звуки; сумрак мятный
Ворчит: "Фуфаечку надень..."
И жизнь бессовестно приятна,
И в радость каждый новый день.

11.19

Однажды

Однажды я шёл по тропинке –
Опавшие хвоя, кора –
И думал о городе инков,
Затерянном в диких горах,
Уснувшем в обветренной нише
У самой границы небес,
Не в силах вскарабкаться выше...
Чуть слышно похрустывал лес.

И, выйдя на чахлый просёлок,
Где слева – забытый погост,
А справа – смурной, невесёлый,
Готовый рассыпаться мост,
Я чувствовал запах эпохи –
Чужой, непонятный, иной,
И слушал хрипящие вдохи
Страны безнадёжно больной.

11.19

Перед Покровом

*И я закрываю глаза, и чувствую ветер,
Забывтый тобой на песке.*

Гарик Сукачёв

.....

Словно унылая кисть расписала проспекты –
Краски размыты, безвольны скупые мазки.
Бродит по тёмным дворам неприкаянный некто –
Сонный хозяин забравшейся в душу тоски.
Хищные тени остывшие скверы изгрызли,
Город сочит пустоту из-под каменных век.
Дети эпохи лелеют наивные мысли –
Будто судьбу изменить может сам человек.

Символ, означенный свыше – печатью на коже,
В прошлом теряются юность, попойки, Баграм...
Медленно осуществляется замысел Божий –
Строго прописанный код потаённых программ.
Пляж остывает, блаженно мечтая о лете.
Солнце устало висит... Послезавтра – Покров.
Я закрываю глаза. Пролетающий ветер
Гонит шершавую пыль незнакомых миров.

10.19

Планета – эллипсоид на оси

Планета – эллипсоид на оси –
Зима растает, возвратится лето.
Усталый человечек, попроси
Покоя у владельца тьмы и света.
Ты здесь напрасно ищешь тишины:
На даче – в одичалости малины,
В глазах давно смилившейся жены,
В шуршании октябрьского сплина.

На севере – остывшая вода,
На юге – мало воздуха и тесно...
Небесных тел послушные стада
Куда-то уплывают бессловесно.
Темнеет парк – дрожащий полутруп,
Дома-бомжи уныло просят хлеба,
И город злой настойчивостью труб
Вонзается в чернеющее небо.

01.20

Сколько той зимы осталось

Сколько той зимы осталось? –
Пару раз на посошок.
Небо солнцем напиталось...
Я – языческий божок –
С виду зол и беспощаден,
А по сути – воробей –
Разбазариваю пяди
Неподкупности своей.

Кроны – ха́осом сплетений,
Высь – агатовой плитой...
Бродят сумрачные тени
Над бормочущей водой.
Разливается озоном
Лимфа жизни – вязкий мёд.
Слышишь, шепчутся газоны?
Просыпайся, жизнь идёт.

01.20

Когда вокруг клубится темнота

Когда вокруг клубится темнота,
Дальнейшую судьбу мою решая,
Сомнений неподъёмная плита
Нетвёрдому рассудку угрожает.
Неясные движения в углу...
Скользят минуты, в сумраке теряясь.
Душа встречает зреющую мглу,
В неё вживаясь, тая, растворяясь.

И тьма – непроницаемо-глуха –
Ложится безразличием изгоя...
Уносится ветрами шелуха...
В остатке – ожидание покоя,
Эпохи нескончаемые, миг,
Раскрашенный отчаяньем и кровью,
Цветущие глаза, бессильный крик –
Материя, сплетённая любовью.

01. 20

Дыхание

Спят слоны, верблюды, мыши;
В коме город-истукан...
Тихо всхлипывая, дышит
В лунном блюде океан.
Пляж тенями растушёван,
Глубину таит вода,
Спят на лежбище моржовом
Чаяк пыльные стада.

Мысли только о покое...
Мгла искрится и дрожит.
В чёрной выси всё иное –
Ни тщеславия, ни лжи.
Тишина клубится... Слышно,
Как галактики гудят.
Тьма, подрагивая, дышит,
Грозди звёздные плодя.

02. 20

У гастронома

*Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.*

Б. Пастернак

.....

Гул в ушах. Я вышел к гастроному.
Прислонясь к обшарпанной стене,
Я ищу решение бинома:
"Пить – не пить"... Вот кто-то на коне –
Вождь, наверно, – бронзовый – с усами;
Новостройка, булочная, сквер.
Сколько Бог вместил под небесами
Разных смыслов, чаяний и вер?!

На меня наставлена витрина,
Я пред ней – замызганный изгой.
Отыскать бы златосередину
Между "пьяной рожей" и тоской.
Раздобыть бы собственную нишу
Или нычку тихую найти...
Бог умён, но я его не слышу.
Жизнь прожить – не поле перейти.

02. 20

Весенняя пастораль

Дни округлились и стали длиннее,
Небо вздымается плотью живой.
Дышит, томится, цветёт, сатанеет
Рвущийся в лето замученный вой.
Хищно раскинувшись каменной кожей,
Город ощерил проснувшийся рот –
Мощь митохондрий немислимо множа,
Мартовских улиц жуёт кислород.

Тёплая ночь, наступая на горло,
Что-то бормочет, пытаясь душисть –
Линию жизни неряшливо стёрла...
Что остаётся? – Без линии жить.
Воздух, людской агрессивности хапнув,
Пахнет бензином, как старый мопед.
Стерва-весна, ухмыляясь похабно,
Греет фолликулы новых побед.

03. 20

Эпоха Завхоза

Бедой ошетинился древний папирус,
Ни звука на улицах брошенных сёл.
Ползёт по планете невиданный вирус,
Горит в небесах резолюция: "Всё!"
Из белой одежды – повязка на бёдрах,
Распухший язык не вмещается в рот,
Повсюду валяются ватники, вёдра,
Сметает с прилавков продукты народ.

Не в силах глядеть на сие непотребство,
Сбежал не желающий пачкаться Он,
Оставив на добрую память наследство –
На головы рухнувший ржавый балкон.
Смердят, расплзаются пятна некроза,
Пегаска в грязи, издыхая, лежит...
Восходит над миром эпоха Завхоза,
И тряпка на швабре победно дрожит.

03. 20

Милая

Милая... Бесамэ мучо!
Сколько безумных ночей провели мы с тобой...
Даже, когда над Землёй собираются тучи,
Внутренний голос мне шепчет: "Расслабься и пой."
Я и пою – у меня замечательный тенор –
Встречные псы, подпевая, пускаются в пляс...
Руки, пытаюсь унять нежелательный тремор,
Тоже вальсируют, жадно вскрывая "фугас".

Милая... Ты мой маяк, навигатор, лампада,
В засуху ливень, приют в беспросветной ночи,
Место парковки в пределах гудящего МКАДа,
В лютый мороз раскалённая стенка печи.
Тихим шуршанием снег накрывает проспекты,
Жёлтые окна плывут, нагоняя тоску.
Ты – на ларёк указующий перст (или вектор),
Музыка в вирусном логове – хрупком мозгу.

03. 20

Облака закат рисуют

Облака закат рисуют,
Льют с небес багровый мёд...
Слово, брошенное всуе,
Сколь ни бейся – не взойдёт.
Прорастут лишь боль ночная,
Сквер безлюдный, тишина,
Разговор с отцом за чаем,
Россыпь звёздного пшена.

Прорастут слова, что зреют
Лунным яблоком в реке,
Даль, пространство, эмпирии,
Электричка вдалеке,
Гул сгорающих поленьев,
Холодок ночных полей,
Дар небес – твои колени –
В тёмной комнате моей.

03. 20

Апрель сошёл цветущей пеной

Апрель сошёл цветущей пеной
На город зимних безнадёг.
Манхэттен вырвался из плена,
Густыми красками потёк.
Всевышний, смыв с небес извёстку,
Просыпал искры в водоём...
Стоят пустые перекрёстки,
Хрипят кликуши: "Все умрём!"

Но даже если так случится –
Замрут больные города,
Исчезнут мысли, чувства, лица –
Как будто киборгов орда
Смела с планеты всё людское –
Апрель, как прежде воцарясь,
Среди вселенского покоя
Закрасит вирусную грязь.

И – нет – ещё не отгорели
В туманах памяти моей
Дороги давнего апреля,
Закаты ласковых морей,
И – сам себе пророк Исайя –
Пустыней улицы иду,
Теряясь, тая – исчезаю
В магнолий розовом бреду.

04. 20

Сумрак выгнал тени в переулки

Сумрак выгнал тени в переулки,
Хрупким одиночеством повис.
Город, суетящийся и гулкий,
Обратился в чёрный обелиск.
Кромка ядовитого заката
Угасает где-то вдалеке.
Месяц – мельхиорово-рогатый –
Остывает в звёздном молоке.

Люди спят по лофтам и квартирам,
Выпив на́ ночь липкий телеяд.
Тихо доминирует над миром
Острый всефиксирующий взгляд –
Проверяет, щупает и тычет,
Воплощая высший нарратив.
Мы проснёмся утром – как обычно –
Жизнь свою на день укоротив.

04. 20.

Сошла с небес на город темнота

Сошла на сонный город темнота –
Не ужас наводящая, а та,
Что плавится в томящемся неоне.
В немом пространстве мира – лишь она...
Бездумным истуканом у окна
Сидишь, о дне истраченном не помня.

В густую тьму впивается закат...
Волнующие шорохи цикад,
Домов притихших вздыбленные груди.
Холодная шершавая тоска,
Пulsируя, повисла у виска
Как поцелуй несчастного Иуды.

И понимаешь – ты всегда один –
Среди домов, заводов и плотин...
Вселенная всё сумрачней и больше...
А тень молчит, и подоконник бел,
И если б ты отважился, посмел,
То полетел над городом умолкшим.

По улицам струится тишина –
Твоя сестра, любовница, жена –
Течёт рекой сомнения и боли...
И эту влагу пестуешь и пьёшь,
И сам себя уже не узнаёшь
В обледенелом лунном ореоле.

05. 20.

Безжизненно чернеющим настоем

*Он по жизни шагал над помостом –
По канату, по канату,
Натянutoму, как нерв.*

В. Высоцкий.

.....

Безжизненно чернеющим настоем
Река молчала – будто ни при чём.
Жир человек, отмеченный звездой –
Буравил мир рентгеновым лучом.
Круша устои, в винном пополаме
Блевал на роскошь белых одеял...
Толпа кривилась, лязгала стволами –
И даже тот, который не стрелял.

Вокруг ползли домов ночные туши,
Трамваи, люди – много их – не тех,
И было в кайф хрипеть, корёжа душу,
Смеясь в лицо шершавой пустоте.
Дрожит струна – мучительно и тонко,
Раскрыты настежь вышние врата,
А вдоль обрыва скачет лошадёнка,
И под утёсом – вишня-сирота.

08. 20.

В небе комета

В небе комета – предвестье событий.
Что принесут они: радость, беду?
Встань, отряхнись, из убежища выйди,
Слышишь – весна набухает в саду?
Чуешь пульсацию лёгких Вселенной,
Видишь – светлеет столетняя мгла?
Хватит валяться иссохшим поленом,
Глядя на жизнь из глухого угла.

Сладки объедки родного ГУЛага,
Вбит в подсознание страх сквозняков.
Стыдно быть кормом, статистикой, шлаком,
Винтиком, накипью, пеной веков.
Жизнь устоялась и гнёздышко свито?
Что ж – фантазируй, витийствуй, потей...
Нет ничего отвратительней вида
В стойла забившихся полулюдей.

08.20.

По дворам шныряет осень

По дворам шныряет осень –
Пьёт из луж, деревья красит.
Пальтецо на тёте Тосе,
В тёплой куртке дядя Вася.
Дышат влагой тротуары.
Сыро, ветрено, тоскливо.
Осень, осень, Божья кара...
Стынет небо над заливом.

В вышине скользящей змейкой
Стая птиц с погодой спорит.
Сяду в парке на скамейку,
Поллитруху откупорю –
На закуску две конфеты,
Если три – не будет толку...
Всё вернётся, даже лето –
Ждать уже совсем не долго.

09. 20

Дымы Итаки

Забыты грозные атаки
И кровь, стекавшая с меча.
Дымы оставленной Итаки
Всё чаще снятся по ночам.
Всё горше тайные догадки,
Тревожней муторные сны
О силачах, на славу падких,
О грязной сущности войны.

Свой дом – вот лучшее на свете.
Будь счастлив, щедрый Алкиной.
Дал Посейдон попутный ветер...
Исчезли в прошлом, за спиной
Нагая нимфа в гроте тесном,
Руины Трои, павшей ниц,
И смертью дышащие песни
Сладкоголосых женщин-птиц.

Рассвет ползёт, кормы касаясь –
Грозит негданной бедой.
Закат по курсу угасает –
Кроваво тлеет над водой.
Летит кораблик крутолобый,
Покорный небу и ветрам...
О чём-то шепчет Пенелопа,
Садясь за пряжу по утрам.

09. 20

В осенних сумерках

В осенних сумерках таится
Разгадка смысла бытия.
Лежит вневременно на лицах,
Дома угрюмые стоят –
Воители запретной секты –
Крамольных замыслов полны.
С высот надмирных смотрит некто
Глазами стынувшей луны.

Шурша, течёт, струится время –
Эпох раздавленных песок.
Без напряжений, скрипов, трений
Вращает Хронос колесо,
И ты как будто в запредельность
Уже шагнул одной ногой...
Уходят в прошлое недели,
И ближе Вечность и покой.

09. 20

На улице Ленина

*Просто я так и живу на улице Ленина,
И меня зарубает время от времени.*

Ф. Чистяков

.....

Нас в школах мурыжили тезисом:
Религия – дурь и пародия –
Всё просто в природе генезиса,
Важнейшее – Ленин и Родина.
Потом, сняв папахи и кители,
Воскликнув: “Мы – ваши избранники,”
Восславили Бога правители,
Прибрав нефтеносные краники.

Скажите, кем всё-таки стали мы?
Возможно, цыганка накаркала –
Вздыхаем по времени Сталина,
Кровавыми гимнами харкаем.
Не ясно, куда же глядели мы,
Чью печь насыщали поленьями?
Зима хороводит метелями
На улице вечного Ленина.

Троллейбус

Всё когда-то закончится – даже пространство и время.
Растворятся, исчезнут Земля, человечество, ты.
Мириады стремлений, тревог, колебаний, горений
Превратятся в холодный покой мировой пустоты.
Облака уплывут, улетят журавли – не вернуться,
Не качнётся, волнуясь под ветром, июльская рожь,
Не зажжётся вечерний неон обезлюдевших улиц,
Не услышишь вопрос: “Для чего ты, болезный, живёшь?”

Продаются одежда, идеи, недвижимость, души.
Разрывая пространство, несётся планета – держись.
На приколе ржавеет троллейбус – железная туша –
Потускневший, нелепый... вот так и кончается жизнь.
Пламенеют от страсти гречанки на острове Лесбос,
Над цветущей травой барражирует утренний шмель...
За чертой городской на кольце умирает троллейбус –
Обветшалый корвет, от усталости севший на мель.

Оглавление

<i>Вспоминая свои палестины</i>	<i>1</i>
<i>Зацветает алыча.....</i>	<i>2</i>
<i>Фиолетовая мгла</i>	<i>3</i>
<i>Мы с городом теряем прежний вид.....</i>	<i>4</i>
<i>Ниагара</i>	<i>5</i>
<i>Мы сидели</i>	<i>6</i>
<i>Мы</i>	<i>7</i>
<i>То берёзка, то рябина</i>	<i>8</i>
<i>Розовый воздух</i>	<i>9</i>
<i>Зима... ложились сумерки, густы</i>	<i>10</i>
<i>Крутится-вертится над мостовой</i>	<i>11</i>
<i>Смотрю в окно: домов унылый ряд.....</i>	<i>12</i>
<i>Меня удручают размеры.....</i>	<i>13</i>
<i>Карельское озеро</i>	<i>14</i>
<i>Бывает, взрежет ночь сирена скорой</i>	<i>15</i>
<i>Спидола</i>	<i>16</i>
<i>Январь накрыл планету мерзлотой</i>	<i>17</i>
<i>Египет.....</i>	<i>18</i>
<i>Маки Ван Гога</i>	<i>19</i>
<i>Тихим облаком над морем</i>	<i>20</i>
<i>Окраина.....</i>	<i>21</i>
<i>Родимое пятно</i>	<i>22</i>
<i>Сонные аллеи</i>	<i>23</i>
<i>Забудешь радости, обиды</i>	<i>24</i>
<i>Парк октябрьский шуршащий.....</i>	<i>25</i>
<i>Какими-то нелепыми скачка́ми</i>	<i>26</i>

<i>Июнь на даче.....</i>	<i>27</i>
<i>Central Park.....</i>	<i>28</i>
<i>Больничная терраса.....</i>	<i>29</i>
<i>Осталось несколько недель.....</i>	<i>30</i>
<i>Течёт сквозь время мутная река.....</i>	<i>31</i>
<i>Бесцельно роющийся крот.....</i>	<i>32</i>
<i>Ещё бормочет выцветшее лето.....</i>	<i>33</i>
<i>Осенней горечью сочась.....</i>	<i>34</i>
<i>Когда в окно разглядываешь город.....</i>	<i>35</i>
<i>На берегу реки стою и вижу.....</i>	<i>36</i>
<i>Промокший сквер, глухой и голый.....</i>	<i>37</i>
<i>Пространство хрустнуло к утру.....</i>	<i>38</i>
<i>Летаргично-зимний город.....</i>	<i>39</i>
<i>Пройдёт и это.....</i>	<i>40</i>
<i>О, как наивен и безгрешен.....</i>	<i>41</i>
<i>Бывает, выходишь из дома.....</i>	<i>42</i>
<i>Мостов туманящихся спины.....</i>	<i>43</i>
<i>Мерещатся кораблики.....</i>	<i>44</i>
<i>Не слышно шума.....</i>	<i>45</i>
<i>Как найти причину?.....</i>	<i>46</i>
<i>Мёртвый город.....</i>	<i>47</i>
<i>Тому, кто вечно ищет.....</i>	<i>48</i>
<i>Аппалачи осенью.....</i>	<i>49</i>
<i>Холодный лист – изгнанник ноября.....</i>	<i>50</i>
<i>Чёрная жемчужина.....</i>	<i>51</i>
<i>Беда проходит стороной.....</i>	<i>52</i>
<i>Опять уткнёшься взглядом в небеса.....</i>	<i>53</i>
<i>Весна в горах.....</i>	<i>54</i>

<i>Август лёг безраздельно.....</i>	<i>55</i>
<i>Придёт апрель.....</i>	<i>56</i>
<i>Ты спишь</i>	<i>57</i>
<i>Я выбираю свободу.....</i>	<i>58</i>
<i>Неужели не я.....</i>	<i>59</i>
<i>Явившийся на свет из темноты.....</i>	<i>60</i>
<i>Беспечна суть семидесятых.....</i>	<i>61</i>
<i>Я, наверно, понять не смогу</i>	<i>62</i>
<i>Баня.....</i>	<i>63</i>
<i>В ноябре легче дышится.....</i>	<i>64</i>
<i>После бани.....</i>	<i>65</i>
<i>Вот небо сделалось прозрачней</i>	<i>66</i>
<i>Букетик хризантем</i>	<i>67</i>
<i>Будь готов</i>	<i>68</i>
<i>Конец Большого Эксперимента.....</i>	<i>69</i>
<i>Доверив пёстрый шлейф пажу.....</i>	<i>70</i>
<i>Осень – дивная пора</i>	<i>71</i>
<i>Холодный вечер</i>	<i>72</i>
<i>Апрель</i>	<i>73</i>
<i>Однажды встретясь.....</i>	<i>74</i>
<i>Ноябрь с города смывает</i>	<i>75</i>
<i>Муза, пискнув, замолчала</i>	<i>76</i>
<i>Дымящиеся следы</i>	<i>77</i>
<i>Лилово-дымчатый, в пижаме</i>	<i>78</i>
<i>Однажды.....</i>	<i>79</i>
<i>Перед Покровом.....</i>	<i>80</i>
<i>Планета – эллипсоид на оси</i>	<i>81</i>
<i>Сколько той зимы осталось.....</i>	<i>82</i>

<i>Когда вокруг клубится темнота</i>	83
<i>Дыхание</i>	84
<i>У гастронома</i>	85
<i>Весенняя пастораль</i>	86
<i>Эпоха Завхоза</i>	87
<i>Милая</i>	88
<i>Облака закат рисуют</i>	89
<i>Апрель сошёл цветущей пеной</i>	90
<i>Сумрак выгнал тени в переулки</i>	91
<i>Сошла с небес на город темнота</i>	92
<i>Безжизненно чернеющим настоем</i>	93
<i>В небе комета</i>	94
<i>По дворам шныряет осень</i>	95
<i>Дымы Итаки</i>	96
<i>В осенних сумерках</i>	97
<i>На улице Ленина</i>	98
<i>Троллейбус</i>	99

